

Все оттенки голубого

Автор:

[Рю Мураками](#)

Все оттенки голубого

Рю Мураками

Проза Рю Мураками жесткая, угловатая. Писатель не любит линейного сюжета. В его мире все разделено на множество оттенков, сталкивающихся друг с другом и не переходящих к гармонии. Эта неуступчивость стиля так понравилась читателям, что Рю Мураками был признан одним из самых значимых японских писателей последней трети XX века.

Его дебютный роман «Все оттенки голубого», герои которого поглощены миром насилия и наркотиков, – самое откровенное свидетельство о поколении семидесятых. Он стал мировой сенсацией, за этот текст писатель был удостоен престижной литературной премии Акутагавы.

Книга содержит нецензурную брань.

Рю Мураками

Все оттенки голубого

RYU MURAKAMI

Almost transparent blue

© 1977, Ryu Murakami

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2018

* * *

Это был не звук самолета. Жужжание какого-то насекомого у меня над ухом – крохотного, меньше тех мушек, что кружились перед глазами. Пожужжало и исчезло в темном углу комнаты.

Падающий с потолка свет отражался в стеклянной пепельнице на белой скатерти круглого стола. В ней еще дымилась тонкая длинная сигарета, испачканная губной помадой. На самом краю стола стояла винная бутылка грушеобразной формы, на этикетке была изображена блондинка, вкушавшая виноград с грозди, которую держала в руке. Струящийся с потолка красный свет дрожал на поверхности вина в стакане. Ножки стола утопали в толстом ковре. Напротив меня стоял туалетный столик. Спина сидевшей перед ним женщины была мокрой от пота. Она вытянула ногу и сняла с нее черный чулок.

– Эй, принеси мне полотенце! Розовое, понял? – сказала Лилли, швырнув в меня скрученным чулком. Объяснив, что только что вернулась с работы, она схватила флакон лосьона и протерла лоснящийся от жира лоб.

– И что потом случилось? – спросила она, глядя на меня и вытирая спину полотенцем.

– Знаешь, я решил предложить ему выпить, надеясь, что это приведет его в чувство. А тут еще возле машины ошивались двое нанюхавшихся клея парней. Поэтому я решил, что лучше будет предложить ему выпить. Он на самом деле был в исправилровке?

– Этот парень – кореец.

Лилли снимала макияж. Она протирала лицо ваткой, смоченной какой-то благоуханной жидкостью. Она наклонилась, чтобы посмотреть в зеркало и снять накладные ресницы, напомилавшие плавники тропической рыбы. Запачканную красным и черным ватку Лилли отбросила в сторону.

– Кэн, он проткнул своего брата, или мне только казалось, что это его брат, но тот не умер и совсем недавно появился к нам в бар.

Я посмотрел сквозь стакан с вином на лампочку. Свет на гладкой поверхности стакана был темно-оранжевым.

– Он спрашивал меня про тебя, Лилли, так что постарайся держать рот на замке. Не выкладывай слишком много всяким проходимцам.

Лилли допила вино из стакана, затерявшегося на туалетном столике среди тюбиков с губной помадой, щеточек, разных бутылочек и коробочек, после чего прямо у меня на глазах стянула свои расшитые золотыми нитками трусики. На животе у нее остался след от резинки. Мне говорили, что когда-то Лилли работала фотомоделлю.

На стене висла ее фотка в рамке; на фото она была в шубе. По ее словам, эта шуба была из шиншиллы и стоила не помню уж сколько точно, но во всяком случае несколько тысяч. Как-то в холодную погоду она заявила ко мне с мертвецки бледным лицом – перебрала филопона. С пеной у рта, трясясь, она отрубилась, едва успев открыть дверь.

«Сотри лак у меня с ногтей, он такой липкий и противный!» – пробормотала Лилли, когда я обнял ее и приподнял. Платье с открытой спиной было настолько пропитано потом, что даже жемчужное ожерелье казалось липким. После того как я удалил лак с ногтей на ее руках при помощи растворителя для краски, поскольку жидкости для снятия лака не было, она тихо сказала: «Извини, что я заставила тебя потрудиться». Пока я держал ее за лодыжку и стирал педикюр, Лилли неотрывно смотрела в окно и глубоко дышала. Я засунул руку ей под платье и ощутил холодную испарину у нее меж бедер, поцеловал ее и стянул трусики. Они еще висели у нее на одной ноге, когда она, сидя на стуле, широко раздвинула ноги. И тогда Лилли сказала, что хочет посмотреть телик: «Знаешь ли, там должен быть какой-то старый крутой фильм Элия Казан с Марлоном Брандо». А я еще долго стирал с ладоней пот с примесью цветочного аромата.

– Рю, ты же ширялся морфием в доме у Джексона? Позавчера, – сказала Лилли, очищая персик, который достала из холодильника. Со скрещенными ногами она устроилась на диване. Я отмахнулся от предложенного ею персика.

– Что, и не помнишь девицу, которая была там? Выкрашенная в рыжий цвет, в короткой юбке, в хорошем прикиде, с могучей задницей?

– Не припомню. Там было три японки, ты имеешь в виду ту, с прической в африканском стиле?

С того места, где я сидел, была видна кухня. Черный жук или таракан ползал по грязной посуде, сваленной в раковину. Лилли продолжала болтать, стирая персиковый сок с обнаженных бедер. Она болтала шлепанцем на ноге, на которой виднелись красные прожилки и синие венки. Просвечивающие сквозь кожу, они всегда мне нравились.

– И эта сука лежала там, она прогуляла работу, притворившись больной, но на самом деле весь день развлекалась с типами вроде тебя. Ни хера себе! Она тоже ширялась?

– Джексон не позволил бы. Будет крутой отходняк. Поэтому он считает, что девицам нельзя ширяться. А что, она работает у тебя? Она много смеялась, курила слишком много травки и потом еще сильнее ржала.

– Ты считаешь, что ее нужно уволить?

– Но она же их привлекает, верно?

– Ну конечно, с таким-то задом!

Таракан вылез на тарелку, на которой оставались капли кетчупа; его спинка была испачкана жиром.

Когда давишь тараканов, из них выходят жидкости самых разных цветов. Возможно, у этого брюхо заполнено красным.

Однажды мне пришлось убить таракана, ползущего по палитре, так вытекшая из него жидкость была ярко-фиолетового цвета. Поскольку на палитре не было никакой фиолетовой краски, я решил, что в этом крохотном брюшке, очевидно, смешались красная и синяя.

- И что же стало с Кэном? Он нормально добрался до дома?

- Ну, я наколол его, сказал, что никаких девочек нет, и предложил немного тяпнуть, но он отказался и попросил колу. «Я уже на рогах», - извинился он.

- Он был такой бухой?

- Парни в машине подцепили какую-то проходившую мимо телку. Она была уже вполне тепленькая.

Остатки косметики на лице Лилли тускло поблескивали. Она засунула косточку от персика в пепельницу и вытащила заколки, чтобы распустить свои крашенные волосы, после чего, не выпуская изо рта сигарету, начала медленно расчесываться.

- Когда-то сестра Кэна работала в моем заведении и считалась довольно смазливой.

- Она ушла?

- Похоже, что она вернулась в родную деревню, кажется, где-то на севере.

Ее мягкие рыжие волосы путались в расческе. Выдрав кучу волос, Лилли вскочила, словно вдруг о чем-то вспомнила, и достала из кабинета серебряную коробочку с изящным шприцем.

Она подняла маленький коричневый флакон к свету, чтобы проверить, сколько там еще осталось, и откинулась на спину, чтобы вогнать эту жидкость себе в бедро. При этом вторая ее нога слегка дрожала. Я решил, что она вогнала иглу слишком глубоко, потому что, когда она ее вытащила, тонкая струйка крови побежала к колену. Лилли потерла виски и стерла слюну, собравшуюся в уголках рта.

– Лилли, нужно каждый раз стерилизовать иглу.

Ничего на это не ответив, она легла на кровать в углу комнаты и закурила. Вены на шее набухали всякий раз, когда она делала затяжку.

– Хочешь ширнуться, Рю?

– Не сегодня. Мне тоже нужно кое-что сделать на работе, а потом еще придут приятели.

Лилли протянула руку к столику у кровати, взяла там карманное издание «Пармской обители» и принялась за чтение. Выпуская дым на раскрытую страницу, она с умиротворенным, безмятежным выражением на лице пыталась следить за словами.

– Сейчас не время читать, Лилли, – сказал я, поднимая шприц, который упал с полки на пол.

– Знаешь, это приятно, – сказала она, заплетающимся языком.

На кончике иглы виднелась кровь. Когда я вошел на кухню, чтобы ее смыть, таракан продолжал разгуливать по тарелкам в раковине. Я скрутил газету и осторожно, стараясь не разбить тарелки, пришиб его в тот момент, когда он переполз на столик возле раковины.

– Что ты там делаешь? – спросила Лилли, сдирая ногтями запекшуюся кровь с бедра. – Подойди сюда! – Голос у нее был томным.

Вытекшая из таракана жидкость была желтой. Она размазалась по краю стола и застыла, а усы его продолжали шевелиться.

Лилли освободилась от оставшейся одежды и снова позвала меня. «Пармская обитель» была отброшена на ковер.

* * *

В моей комнате стоял резкий запах – запах протухшего ананаса, оставленного на столе. Я не помню, когда разрезал его. Срезанная верхушка совершенно почернела, и сладкий сок загустел на тарелке.

Кончик носа уже приготовившегося ширнуться Окинавы блестел от пота. При виде этого я подумал, что у него, как верно заметила Лилли, была горячая, напряженная ночь.

Когда она перекатывалась по влажной постели – ее тело, похоже, становилось все тяжелее, – то непрерывно повторяла: «Послушай, неужели тебе не жарко? Сегодня такая жара».

– Эй, Рю, за сколько ты взял эту пудру? – спросила Рэйко, доставая из кожаной сумочки пластинку «The Doors».

Я ответил, что за десять баксов, на что Окинава громко заявил:

– Ну, это намного дешевле, чем на Окинаве. – Он нагрел иглу шприца над зажигалкой. Протерев иглу комочком ваты, смоченной спиртом, несколько раз подул на нее, чтобы убедиться, что отверстие открыто.

– Знаешь, я просто заторчал, когда увидел, как отделаны стены, сортир и прочее в том заведении в Ёцуя, тебе оно хорошо известно, там еще был этот слюнявый охранник, помнишь? Он все еще отпускал тупые шутки насчет того, что там лучше, чем в камере, а некоторые старые знакомые издевались над ним и громко ржали, так что я совершенно сник.

Глаза Окинавы были мутно-желтыми. Когда он явился ко мне в комнату, то отхлебывал из молочной бутылки мерзко пахнущий напиток и был уже прилично пьян.

– Ты что, правда снова был в центре по лечению наркоманов? – спросил я Окинаву, когда тот достал алюминиевую фольгу с героином.

– Ага, мой старикан запихнул меня в известный америкозный центр для наркоманов, потому что мужик, который застукал меня, оказался копом, понял? Сначала они доставили меня на американскую базу и заставили пройти курс

лечения, а потом вернули сюда. Знаешь, Рю, Америка в самом деле продвинутая страна, я в этом сам убедился.

Тут вмешалась Рэйко, которая до того рассматривала конверт пласта «The Doors»:

– Слышь, Рю, а было бы здорово ширяться морфием каждый день? Мне бы тоже хотелось попасть в наркушку к этим америкосам.

Соскребая зубочисткой героин с краев фольги, Окинава сказал:

– Чушь, говорю я, они не берут плюгавых ширялок вроде тебя, только настоящих наркоманов, как я. Понятно? Только настоящих наркоманов со следами от уколов на обеих руках. Понятно? Там была санитарка по имени Ёсико, весьма сексапильная, и она каждый день делала мне укол в жопу. Ясно? И пока я смотрел за тем, что происходит за окном, – играют там в волейбол или делают что еще, – она засовывала мне что-то прямо в задницу. Но я чувствовал себя таким усталым, что у меня не вставал, и я не хотел, чтобы малышка Ёсико увидела мой сморщенный член. С такой большой жопой, как у тебя, Рэйко, там делать нечего!

Рэйко раздраженно вскочила, сказала, что хочет чего-нибудь выпить, направилась на кухню и открыла холодильник.

– Нет ли там че-чего-нибудь?

Окинава указал на стоящий на столе ананас и сказал:

– Отрежь немного, он напомнит тебе родные края.

– Окинава, тебе, наверно, нравятся гнилые продукты? А что делать с этой одеждой? Она воняет! – сказала Рэйко, потягивая разбавленный «Калпис» и перекатывая кубики льда за щекой.

– Я тоже собираюсь в ближайшее время стать настоящей наркоманкой. Иначе просто пойду в разнос, после того как выйду замуж за Окинаву, и не стану такой же наркошей, как он, а если мы оба будем на крючке, то будем жить вместе,

верно? А потом мне хотелось бы, чтобы понемногу мы от этого отвыкли.

– Вы собираетесь провести медовый месяц в наркологическом центре? – рассмеялся я.

– Правильно, Окинава, мы так и сделаем, согласен?

– Да, будет классно, если вы будете соприкасаться задницами, в них будут загонять морфий, а вы будете тем временем твердить, как вы любите друг друга.

Окинава хихикнул и сказал:

– Чушь! Кончай подъебывать. – И протер салфеткой ложечку, которую перед тем полоскал в горячей воде.

При помощи зубочистки он положил в центр ложечки из нержавеющей стали с изогнутой ручкой немного героина, не больше спичечной головки.

– Эй, Рэйко, понюхай и заткнись, врубилась? – Он насадил иглу на маленький армейский шприц. Рэйко зажгла свечу. При помощи шприца он осторожно накапал воды на героин.

– Что, Рю, собираешься устроить еще одну вечеринку? – спросил Окинава, вытирая слегка дрожащие пальцы о брюки, чтобы унять дрожь.

– Да, знаешь, эти чернокожие попросили меня.

– И ты, Рэйко, тоже собираешься туда пойти, я имею в виду вечеринку? – спросил Окинава.

Она завернула оставшийся героин в фольгу и, глядя на меня, ответила:

– Ага, но нечего сердиться.

– Учти, я не хочу, чтобы ты надралась и трахалась с каким-нибудь черномазым, поняла?

Он держал ложку над пламенем свечи. Жидкость закипела, появилась пена и начал подниматься пар, а дно ложки почернело от сажи. Окинава медленно убрал ее от пламени и подул, чтобы остудить, как обычно делают, прежде чем подать суп младенцу.

– Знаешь, в тюряге... – начал он, разрывая ватный тампон, – в тюряге из меня сделали «холодного индюка»[1 - Жаргонное выражение, означающее в наркологических отделениях внезапное полное прекращение приема любых наркотиков.]. У меня, знаешь, были разные глюки, я не очень хорошо их помню, но я увидел своего старшего брата – я четвертый в семье, а он был самым старшим, – но я никогда с ним не встречался, он погиб во время драки в Ороку. Не осталось даже приличной фотографии, только поганенький рисунок, который сделал мой старикан и прилепил потом на семейный алтарь. И тем не менее во снах ко мне являлся брат. Тебе это не кажется странным, удивительным?

– И он что-нибудь говорил?

– Не, или сейчас я этого не помню.

Он намочил кусочек ваты размером с ноготь большого пальца в остывшем растворе, после чего погрузил острие иглы в самый центр набухшей ватки. Донесся слабый шум, какой бывает, когда младенец посасывает материнскую грудь. Прозрачная жидкость медленно заполняла тонкую полость шприца. Закончив с этой процедурой, Окинава облизал губы и осторожно выпустил из него воздух.

– Разреши мне вколоть тебе, Рю, – сказала Рэйко, – я часто делала это всем на Окинаве. – Рукава у нее были засучены.

– Ни в коем случае! Ты уже однажды промахнулась и пролетела на сотню долларов. Это тебе не рисовые колобки для пикника готовить. Отвали! Перетяни руку, Рю!

Рэйко встрепенулась и уставилась на Окинаву, пока тот доставал кожаный жгут и обматывал им мою левую руку. Я сжал кулак. Окинава протер пару раз нужное

место спиртом, после чего вонзил иглу в набухшую вену. Со словами «да-да-да» Окинава спокойно нажал на поршень шприца, и героин вошел в меня.

– Ну вот, сделано. Как тебе это нравится? – рассмеялся Окинава.

Он вытащил иглу. В этот момент наркота уже проникла до кончиков моих пальцев и глухо ударилась о мое сердце. Потом у меня перед глазами поплыл белый туман, и очертания лица Окинавы расплылись. Я прижал руку к груди и поднялся. Мне хотелось сделать глубокий вдох, но дыхание стало прерывистым и дышать было трудно. Голова онемела, словно по ней перед этим колотили, а во рту настолько пересохло, что казалось, вот-вот полыхнет. Рэйко взяла меня за правое плечо, помогая подняться. Пытаясь сглотнуть хоть немного слюны с высохших десен, я ощутил тошноту, которая поднималась от самых ног. Со стоном я рухнул на кровать.

Рэйко встревожилась и начала трясти меня за плечо.

– Эй, тебе не кажется, что ты дал ему слишком большую дозу? Раньше он не слишком много ширялся, посмотри, он совсем побледнел, сним все в порядке?

– Я всадил в него не слишком много, он не умрет, поняла? Не, он не помрет, Рэйко. Принеси тазик, сейчас наверняка блевать начнет.

Я зарылся лицом в подушку. Хотя горло у меня пересохло, слюна постоянно капала с губ, а когда я пытался уловить ее языком, меня начинало сильно тошнить.

Какие бы усилия я ни прилагал, чтобы вздохнуть, в меня попадало только мизерное количество воздуха, причем мне казалось, что он поступает не через нос или рот, а через крошечное отверстие у меня в груди. Мои бедра настолько онемели, что я не мог ими даже пошевелить. Время от времени пронзительная боль ударяла в сердце. Набухшие вены на висках пульсировали. Стоило закрыть глаза, как я начинал впадать в панику, словно меня с чудовищной скоростью затягивает мерзкий водоворот. Неприятные мурашки разбегались по моему телу, и я начинал казаться себе сыром, расплавляющимся на чизбургере. Жара и холод распространялись по телу в совершенно разных плоскостях, подобно воде и каплям масла в колбе. Мои голова, сердце и пенис содрогались.

Я пытался позвать Рэйко, но горло у меня перехватило и из него не вылетело ни слова. Я решил, что звал Рэйко, потому что мне хотелось сигарету, но, когда я открывал рот, мои голосовые связки лишь подрагивали и слышался только какой-то странный свистящий звук. Мне было слышно тиканье часов над головами Окинавы и Рэйко. Этот звук своей регулярностью странным образом ласкал меня. Я почти ничего не видел. По правую руку от меня виднелось что-то, напоминающее отражение на воде. Там постоянно появлялись слепящие вспышки, которые раздражали. Я предположил, что это, должно быть, свеча. Рэйко всмотрелась в мое лицо и пощупала пульс. Потом сказала Окинаве: «Он еще жив!»

Я отчаянно шевелил губами. Подняв руку, ставшую будто железной, я коснулся плеча Рэйко и прошептал:

– Дай мне закурить.

Рэйко вложила мне в рот зажженную сигарету, влажную от слюны. Обернувшись к Окинаве, она сказала:

– Эй, посмотри на глаза Рю – испуганные, как у маленького ребенка. Посмотри, он дрожит, это в самом деле опасно, смотри, он почти плачет.

Дым, проникавший в легкие, казался мне почти живым существом. Окинава приподнял мою голову за подбородок и, взглядываясь в зрачки, сказал Рэйко:

– Это был уже последний звончок, настоящий отход. Весил бы он кило на десять меньше, все было бы кончено.

Искаженные черты его лица напоминали солнце, проникающее сквозь раскрытый пляжный зонт. Мне казалось, что я превратился в растение, складывающее свои серые листья на закате, никогда не рождающее цветов, спокойное растение вроде папоротника, у которого только ветер уносит созревшие споры.

Задули свечу. Я слышал, как Окинава и Рэйко раздеваются. Поставили пластинку. Послышалась мелодия «Soft Parade» группы «The Doors», и сквозь мелодию я слышал, как они трутся о ковер и раздаются сдавленные стоны Рэйко.

В моем сознании всплыл образ женщины, бросившейся вниз с высотного здания. Она всматривалась в удаляющееся небо, а лицо ее было искажено ужасом. Она совершала движения пловчихи, как бы пытаясь снова подняться вверх. Волосы у нее растрепались и развевались над головой, как морские водоросли. Деревья по обе стороны улицы, автомобили, люди, увеличивающиеся в размерах, ее нос и губы, искажаемые порывами ветра, – вся эта сцена в моем сознании напоминала дурные сны, от которых в разгар лета пробивает озноб. Это была замедленная черно-белая кинолента, запечатлевшая падение женщины с высотного здания.

Они поднялись, вытерли пот с тел друг друга и снова зажгли свечу. Я отвернулся от яркого света. Они разговаривали так тихо, что слов разобрать я не мог. Время от времени на меня накатывались приступы спазмов и тошноты. Тошнота наплывала волнами. Закусив губу, вцепившись в простыню, я вжимался в постель, а когда тошнота проходила и откатывалась, я испытывал почти сексуальное удовольствие после завершения соития.

– Окинава, ты – грязная крыса! – громко завопила Рэйко.

Одновременно раздался звук разбитого стекла. Кто-то из них рухнул на кровать ничком, отчего я даже подскочил. Другой – видимо, это был Окинава – выпалил: «Дерьмо!» – хлопнул дверью и вышел. Свечу задуло ветром, до меня доносился только шум шагов человека, спускающегося по железной лестнице. В темной комнате мне было слышно только мягкое дыхание Рэйко, и после борьбы с тошнотой я почувствовал, что начинаю терять сознание. Я уловил сладковатый запах, как от гнилого ананаса, доносившийся от любовных соков полукровки Рэйко. Мне вспомнилась одна женщина, которую много лет назад я видел в кино или во сне: тонкие длинные пальцы на руках и ногах, медленно соскальзывающая с плеч комбинашка, а потом она принимала душ за прозрачной стенкой, и вода капала с ее заостренного подбородка, а она рассматривала в зеркале свои зеленые глаза. Она была иностранкой.

* * *

Идущий перед нами человек оглянулся и остановился, потом отбросил сигарету в сточную канаву. Крепко зажав левой рукой новенький дюралевый костыль, он двинулся дальше. Я решил, что он повредил ногу совсем недавно. Его правая рука казалась не менее сильной и мускулистой, а на земле, по которой он тащил ногу, оставалась глубокая борозда.

Солнце было в зените. Идущая рядом Рэйко сбросила с плеч куртку. Пятна пота проявились на ее плотно обтягивающей тело блузке.

Она выглядела усталой, будто не спала накануне. Когда мы оказались перед рестораном, я сказал:

– А не похавать ли нам чего-нибудь?

Она ничего не ответила, только покачала головой.

– Я не совсем понимаю этого Окинаву: метнулся в ночь, когда все поезда уже перестали ходить.

– Все в порядке, Рю, я была сыта по горло, – мягко сказала Рэйко. Она сорвала листок с придорожного тополя.

– Послушай, а как называется эта полоска, видишь?

Сорванный лист был пыльным.

– Разве это не прожилка?

– Совершенно верно, это прожилка. Я ведь в средней школе проходила биологию, и у меня была специальная тетрадь. Я забыла, как это точно называется, но, знаешь, я поливала листья каким-то химикатом, после чего они становились совершенно белыми, а потом все растворялось, и оставались только эти прожилки.

Мужчина с костылем сидел на скамейке у автобусной остановки и внимательно изучал расписание. Остановка называлась «Главная больница Фусса». Слева находилось большое здание больницы, и в сквере при ней человек десять пациентов в тренировочных костюмах под руководством медсестры занимались гимнастическими упражнениями. У всех них были толстые повязки на лодыжках, и по свистку они принимались крутить бедрами и головами. Прохожие наблюдали за этими пациентами.

– Знаешь, сегодня вечером я собираюсь заглянуть в ваш бар, мне нужно сообщить Моко и Кэй о предстоящей вечеринке. Они сегодня придут?

– Конечно придут, они каждый день приходят. Так что и сегодня будут...
Слушай, хочу показать тебе одну вещь...

– Что?

– Альбом с образцами разных листьев. Там, на Окинаве, многие коллекционируют насекомых, потому что там встречаются очень красивые бабочки, но лично я составила альбом, в котором были только прожилки листьев, и учитель меня похвалил, а поскольку я получила за это премию, меня послали в Кагосиму. Этот альбом еще хранится у меня. Я очень им дорожу, и мне страшно хочется показать его тебе.

Мы подошли к вокзалу. Рэйко отбросила тополиный лист на дорогу. Крыша над платформой поблескивала серебряным светом, и я надел солнечные очки.

– Уже по-настоящему жарко. Лето началось.

– А? Что?

– Я сказал, что уже настало лето.

– Летом жарче, – откликнулась Рэйко, глядя на рельсы.

* * *

Когда я пил вино за стойкой, то услышал, как кто-то в уголке бара шуршит фольгой от «Ниброль».

Закрыв заведение раньше времени, Рэйко рассыпала по столу сотни две таблеток «Ниброль». Кадзуо сказал, что достал их в аптеке на Татикава. Потом она объявила:

– Устроим-ка вечеринку перед вечеринкой!

Она взобралась на стойку и, продолжая танцевать под пластинку, сняла чулки, подошла ко мне, обняла и просунула мне в рот язык, пахнувший таблетками. Кончилось это тем, что она блеванула черноватой кровью и неподвижно распласталась на диване. Ёсияма поглаживал ее длинные волосы, стряхивая со своей бороды капельки воды и беседуя с Моко. Она перевела взгляд на меня, высунула язык и подмигнула. Ёсияма обернулся и с улыбкой спросил меня:

– Эй, Рю, у тебя не найдется чего-нибудь для меня? Немного травки или чего еще? – Сидя на табурете и опершись локтями о стойку, он покачивал ногами в кожаных сандалиях.

Я выкурил так много, что язык у меня пощипывало. Кислое вино не лезло мне в глотку.

– Нет ли у тебя вина послаще?

Кэй рассказывала Кадзуо, как она ездила в провинцию Акита и снималась там голышом, но он казался слишком одуревшим от «Ниброль». Она пила виски прямо из горла, закидывала арахисовые орешки один за другим в рот и говорила:

– Там была одна, ее связывали на сцене, прикинь, Кадзуо, как это ужасно, она была вся обмотана какой-то колючей веревкой. Ужас, правда?

Кадзуо не обращал на нее никакого внимания. Он смотрел на меня через видеоискатель своего «Никомата», который был для него «дороже жизни».

– Эй, ты, слушай, когда с тобой разговаривают. – Пинком она скинула Кадзуо на пол.

– Слушай, не лезь, – сказал он, – не видишь, что ли, у меня отходняк, мне сейчас не до девок.

Кэй захихикала, стянула с себя юбку и начала танцевать со всеми подряд, прижимаясь щекой и облизывая всех партнеров.

Возможно, из-за принятого накануне героина я чувствовал себя изможденным, и мне совсем не хотелось принимать «Ниброль». Надо мной склонилась Моко.

– Слышь, Рю, не хочешь пойти со мной в тачку? А то Ёсияма меня завел, я аж дрожу вся.

На ней было красное бархатное платье и такая же шляпка, даже густо наложенные тени на веках тоже были красными.

– Рю, ты помнишь, как трахал меня в тачке у той дискотеки? – Глаза у нее затуманились, взгляд блуждал. Высунув язычок, она лепетала сладким голоском: – Помнишь, да? Ты еще тогда меня жутко обманул, сказал, что копы идут и нам нужно прятаться, помнишь? И заставил меня скрючиться в той крохотной тачке, не забыл?

– Ба, я впервые об этом слышу! Рю, неужели так все и было? Похоже, ты настоящий жеребец! Хотя у тебя рожа наркомана, ты мог и такое вытворять? – Голос Ёсияма стал громче. Он опустил иглу на пластинку. – О чем ты тут трендишь, Моко, перестань нести чушь.

– Это она сама все подстроила, Ёсияма, – ответил я.

Внезапно начал петь Мик Джаггер. Это была действительно очень старая песня «Time Is on My Side». Моко закинула одну ногу мне на колени и сказала пьяным голосом:

– Я не люблю врать, Рю, ты же знаешь, что тогда я кончила четыре раза. Такое не забывается.

Рэйко с зеленовато-бледным лицом встала и пробормотала, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Который сейчас час? Который час? – проковыляла к стойке, взяла бутылку виски из руки Кэй, отхлебнула и снова сильно закашлялась.

– Ты совсем обдолбанная, Рэйко. Иди, полежи, как хорошая девочка. – Кэй грубо вырвала у нее виски, стерла слюну Рэйко с горлышка бутылки и сама еще раз

отхлебнула.

Когда Кэй толкнула ее в грудь, Рэйко упала на диван, после чего повернулась ко мне и сказала:

– Сделай потише, а то ребята с верхнего этажа из игорного заведения придут за мной. Они стукачи и сразу вызовут полицию, так что сделай немного потише.

Когда я наклонился над усилителями, чтобы уменьшить звук, Моко завопила и прыгнула на меня. Ее холодные бедра щекотали мне шею.

– Эй, Моко, ты хочешь потрахаться с Рю? А со мной не хочешь? – услышал я за спиной голос Ёсияма.

Я сильно ущипнул Моко за бедро. Она завопила и свалилась на пол.

– Рю, ты идиот, извращенец, ты даже не можешь возбудиться. Я уверена, что ты на это неспособен, я слышала, что ты, накачавшись, подставлял свою задницу черномазым! – Поскольку у нее не было сил встать, Моко, хохоча, продолжала лежать там, куда свалилась, и пыталась пнуть меня своими острыми шпильками.

Рэйко зарылась лицом в диван и приглушенным голосом сказала:

– Ва-а, хочу умереть, грудь сдавило, эй вы, у меня в самом деле страшно болит грудь, я хочу умереть.

Кэй подняла глаза от конверта пластинки «The Stones», который перед тем рассматривала, и посмотрела на Рэйко:

– Ну, иди тогда на фиг и помри! Правда ж, Рю, это будет, в натуре, лучший выход? Как считаешь? Кто хочет сдохнуть, должен сдохнуть. И без всякой суеты. Да она просто обдолбалась и теперь издевается над нами.

Кадзуо накрутил на свой «Никомат» фотовспышку и снял Кэй. После вспышки Моко, лежавшая ничком на полу, подняла голову:

– Кадзуо, не смей делать такие фотки без предупреждения. Я профессионалка и работаю только за деньги. От этой вспышки у меня кишки переворачиваются. Ненавижу, бля, фотографов! Отключи эту мерзкую вспышку! Из-за нее тебе и не удастся сходить с людьми.

Рэйко стонала, словно испытывала ужасную боль, потом повернулась на бок и блеванула. Взволнованная Кэй кинулась к ней: расстелила газету, вытерла ей рот полотенцем и начала массировать спину. В блевотине было много рисовых зерен – мне вспомнился жареный рис, который мы вместе ели вечером. Красный свет с потолка мерцал на коричневой блевотине на газете. Не открывая глаз, Рэйко бормотала: «Хочу домой, хочу снова вернуться туда, хочу домой».

Ёсияма поднял Моко на ноги, и, расстегивая пуговицы у нее на груди, откликнулся на монолог Рэйко:

– Да, ты совершенно права, сейчас лучший сезон для поездки на Окинаву!

Моко остановила руку Ёсияма, когда тот попытался покрутить ее сосок, после чего обняла Кадзуо и сладко сказала:

– Вот теперь снимай. Я буду в стиле журнала «АН-АН»! Рю, помнишь номер за этот месяц, красотку на цветной фотке, ты, наверное, видел ее?

Кэй вытерла испачканный слюной Рэйко палец о джинсы и опустила иглу на новую пластинку с песней «It's a Beautiful Day». Рэйко сломала нам кайф. Кадзуо с широко раздвинутыми ногами лежал на диване. Он запрокинул голову и щелкал затвором своего фотоаппарата наугад. Постоянно сверкала вспышка, так что мне даже пришлось закрыть глаза руками:

– Эй, ты, Кадзуо, прекрати, посадишь батарейки!

Ёсияма пытался поцеловать Кэй, но та его оттолкнула.

– Что это с тобой? Ты же сама вчера говорила, что «истекаешь от желания». И когда кормила кошку, тоже сказала: «Чернушка, нам с тобой жутко этого хочется». Разве ты такого не говорила? Почему бы не поцеловаться?

Кэй проглотила свое виски.

Моко крутилась перед Кадзуо, приподнимая волосы и улыбаясь ему.

– У тебя не получится настоящей улыбки, Моко, пока не произнесешь слова «ч-и-и-з».

Кэй завопила на Ёсияма:

– Чё ты устраиваешь спектакль, оставь меня в покое! Я больше не могу видеть ваши мерзкие рожи! Вы знаете, короче, что деньги на те свиные отбивные, которые вы жрали вчера, получены от крестьянина в провинции Акита, он сам своей черной рукой передал мне ту тысячу йен. Вам это известно, бля?

Моко посмотрела на меня и высунула язык:

– Я тебя ненавижу, Рю, ты извращенец.

Меня мучила жажда, и я попытался подхватить зубочисткой кубик льда, но уколол палец. Кэй, танцевавшая на стойке бара, не обращая внимания на Ёсияма, спустилась вниз и слизала кровь с моего пораненного пальца, после чего со смехом спросила:

– Значит, Рю, ты покончил с музыкой?

Рэйко встала с дивана и попросила немного убавить звук.

Никто даже не подошел к аппаратуре.

С распахнутым на груди платьем Моко подошла ко мне, пока я прижимал к пальцу бумажную салфетку, и со смехом спросила:

– Рю, а сколько мы сможем получить от этих черномазых?

– Что? Ты имеешь в виду вечеринку?

– Я хочу знать, если Кэй или я будем в ней участвовать, сколько мы от них за это получим? Пойми, лично меня это мало волнует, но...

Продолжая сидеть на стойке, Кэй сказала:

– Ша, завязывай, Моко, перестань ломать людям кайф! Если те нужны бабки, я подложу тебя под какого-нибудь славненького чувачка. Эта же вечеринка, в натуре, не ради денег, а для чистого кайфа.

Моко накручивала на палец золотую цепочку, болтающуюся у меня на шее, и ехидно спрашивала:

– Она у тебя от черножопых?

– Заткнись, грязная пизда, я получил ее еще в школе от одной девчонки из моего класса в ее день рождения. Тогда я играл для нее «A Certain Smile», песня пришлась ей в кайф, и она подарила мне эту штуку. Она из богатеньких, у ее папаши крупная фирма по сбыту древесины. И знаешь, Моко, перестань употреблять слово «черножопый», они достаточно хорошо понимают по-японски и могут тебя за такие слова замочить. Если тебе это не нравится, лучше тебе туда не идти, понятно? Есть немало других девок, которые с радостью придут на наши вечеринки.

Увидев, как Кэй, отхлебнув виски, утвердительно кивает, Моко сказала:

– О-о! Не заводись, я просто пошутила. – Потом она обняла меня. – Я, конечно, пойду, разве не решено? Эти черномазые – крепкие парни, и они дадут нам травку, верно?

Она засунула язык мне в рот.

Кадзуо подсунул «Никомат» мне под самый нос, и когда я крикнул: «Убери его!» – нажал кнопку. У меня перед глазами все расплылось в белом тумане, словно меня ударили по голове, и я утратил способность видеть. Моко со смехом захлопала в ладоши и завопила. Я пополз по стойке, чуть не упал, но Кэй поддержала меня и перелила из своего рта в мой немного виски. Ее губы пахли липкой, маслянистой помадой. Виски с привкусом помады обжег мне глотку.

– Ублюдок! Перестань! Неужели ты не можешь с этим закончить! – вопил Ёсияма, колотя об пол книжкой комиксов, которую до того листал. – Кэй, ты что, целовалась с Рю?

Я сделал шаг вперед и рухнул, ударившись о стол. Раздались звуки разбитого стекла, пенящегося пива, рассыпанных по полу арахисовых орешков. Рэйко встала, затрясла головой и закричала:

– Все вон! Убирайтесь!

Потирая голову, я засунул лед в рот и направился к ней.

– Не беспокойся, Рэйко, потом я приберу! Все будет в порядке.

– Это моя берлога, пусть все выматываются! Рю, ты можешь остаться, но все остальные пусть убираются.

Она сжала мою руку. Ёсияма и Кэй смотрели друг на друга.

– Значит, ты поцелуешь не меня, а Рю? – уныло сказал Кадзуо. – Ёсияма, я сам во всем виноват с этой дурацкой вспышкой, из-за которой Рю упал, и Кэй дала ему виски, чтобы он пришел в себя.

Ёсияма зарычал на Кадзуо так, что тот едва не уронил «Никомат»:

– Пошел вон!

– Ты что? – завопил Кадзуо.

Находившаяся в его объятиях Моко пробормотала:

– Ну уж это полная глупость!

– В чем дело, ты чё, ревнуешь? – Кэй шлепнула ее тапком по ноге. С выпученными и распухшими от слез глазами Рэйко схватила меня за рукав и сказала:

– Рю, принеси-ка льда!

Я завернул несколько кубиков в бумажную салфетку и приложил ей ко лбу. Кадзуо повернулся к вставшему Ёсияма, посмотрел на Кэй и снова щелкнул затвором. Ёсияма был готов ударить его. Моко громко рассмеялась.

Кадзуо с Моко объявили, что они сваливают.

– Мы, пожалуй, сходим в баню, – сказала Моко.

– Моко, ты бы лучше застегнулась, а не то какой-нибудь панк ухватит тебя за буфера. И не опаздывай завтра, встречаемся на станции Коэндзи в час дня.

Моко, хохоча, ответила:

– Я знаю, что ты извращенец, но я ничего не забуду. Постараюсь одеться поприличней.

Уходя, Кадзуо опустился на колени и еще раз сфотографировал меня.

Напевая себе под нос, мимо прошел какой-то подвыпивший мужик. Он что-то пробормотал и повернулся спиной к фотике.

Рэйко слегка дрожала. Бумажная салфетка упала на пол, и лед почти полностью растаял.

– Тебя не должно волновать, Ёсияма, как я себя чувствую, это не твое дело. Я же не обязана спать с тобой, верно? – медленно сказала Кэй, выдувая дым сигареты в потолок. – Во всяком случае, перестать приставать ко мне, ваще перестань. Меня это мало ебет, но, если мы расстанемся, тебе это может не понравиться, а меня-то вполне устраивает. Может, хочешь еще выпить? Ведь это вечеринка перед вечеринкой, так, Рю?

Я присел рядом с Рэйко. Когда я положил ей руку на шею, она слегка дернулась, и вонючая струйка слюны потекла из уголка ее рта.

– Кэй, перестань постоянно говорить «чё» и прочую дребедень. Мне не нравится, когда ты говоришь в такой манере, так что забудь о ней, ладно? С завтрашнего дня я приступаю к работе, идет? Я подзаработаю немного на хлеб, и все будет хорошо.

Кэй сидела на стойке и болтала ногами:

– Правда? Точно, начни работать. Это и мне поможет выбраться.

– Мне наплевать, что ты ведешь себя безрассудно, меня больше раздражает твое «чё». И эти твои манеры, они меня достают. Я считаю, что все это от наркоты и все изменится к лучшему после того, как я получу работу в порту в Иокогаме, ага?

Ёсияма схватил Кэй за ногу. Тугие колготки плотно облегли ее бедра, и складка живота нависала над поясом.

– Чё ты там несешь? Оставь эту бредятину, она меня раздражает. Посмотри на Рю, он же смеется! Я плевать хотела на то, что ты болтаешь. Я такая, как есть, и на этом кончено, бля!

– Перестань так говорить! Где ты подцепила этот дурацкий говор?

Кэй потушила сигарету в раковине. Натягивая юбку, она сказала:

– Это от моей мамы, ты, чё, не знаешь, что мама болтает именно так? Ты, чё ли, не бывал в нашем заведении? Помнишь ту тетку с котом, которая сидит у котацу и делает рисовые крекеры? Это моя мамаша, и она говорит: «Чё те надо?» Чё, не слышал?

Ёсияма нагнулся ко мне и попросил сигарету, потом уронил, растерянно поднял ее, слегка намокшую от разлитого пива. Засунул в рот и, раскуривая, спокойно произнес:

– Пойдемте-ка по домам.

– Сам канай, мне и здесь по кайфу.

Вытирая губы Рэйко, я спросил Ёсияма:

- Ты завтра не собираешься на вечеринку?

- Я думаю, будет лучше, если он не придет, верно? Этот тип говорит, что собирается работать, и будет славно, если он станет работать. Мне наплевать, будет там Ёсияма или нет! А чё? Айда к нам на хазу, если не доберешься быстро, завтра не сможешь встать. Значит, завтра в Иокогаме? Во сколько?

- Эй, Ёсияма, ты что, и правда не собираешься приходить?

Ничего не ответив, он прошел в угол комнаты и поставил на проигрыватель «Left Alone».

Когда он вынимал пластинку из конверта с ужасным фото Билли Холлидэй, Кэй соскочила со стойки и прошептала ему на ухо:

- Поставь лучше «Дзистоундз».

- Отвали, Кэй, и заткнись, - сказал Ёсияма, крепко зажав в зубах сигарету и глядя на нее в упор.

- Чё за бред, те не нравится этот пласт? Ты чё, как дряхлая старушонка, хочешь снова слушать это нудное фано? Эта туфта для черномазых - почти то же самое, как для нас нанива-буси. Эй, Рю, скажи ему чё-нибудь! Это же последняя пластинка «Рорринг Стоундз», ты наверняка ее еще не слышал! Это же пласт «Стинги фингирдз»!

Не обращая на нее внимания, Ёсияма поставил на проигрыватель пластинку Мэла Уолдрона.

- Кэй, уже довольно поздно, и Рэйко просила нас сваливать. И не имеет смысла играть «Стоунз» с приглушенным звуком, верно?

Застегивая пуговики на блузке и глядясь в зеркало, чтобы поправить прическу, Кэй спросила:

– Как насчет завтра?

– Мы же договорились встретиться в час дня на станции Коэндзи, – ответил я.

Кэй согласно кивнула, стирая с губ помаду.

– Ёсияма, сегодня я не вернусь. Собираюсь пойти в заведение Сэма, так что не волнуйся и не забудь налить кошке молока, но не того, что в холодильнике, а того, что на полке, не перепутай.

Ёсияма ничего не ответил.

Когда Кэй отворила дверь, в комнату ворвался прохладный и влажный воздух.

– Эй, Кэй, оставь дверь открытой!

Пока мы слушали «Left Alone», Ёсияма плеснул себе немного джина. Я собрал рассыпанные по полу осколки стакана на газету, мокрую от блевотины Рэйко.

– Жаль, но приходится признать, что в последнее время все идет наперекосяк, – пробормотал Ёсияма, уставившись в потолок.

– Так же было и перед тем, как она поехала на работу в Акита. Мы спим врозь, и я ничего особенного с ней не делаю.

Я достал из холодильника колу и выпил. Предложил ему, но Ёсияма отмахнулся и опустошил свою рюмку с джином.

– Она все твердит, что хочет на Гавайи. Когда-то давно, помнишь, она говорила, что, может быть, ее отец живет на Гавайях? Я думал накопить немного капусты и послать ее туда, хотя не уверен, что тот тип на Гавайях на самом деле ее отец, но все же...

Ёсияма прижал руку к груди, встал и выскочил наружу. Я слышал, как он блюет в сточную решетку. Рэйко совсем отрубилась. Она тяжело дышала. Я достал одеяло из комода, стоявшего за занавеской, и прикрыл ее.

Он вернулся, держась руками за живот и вытирая рот рукавом рубашки. Желтая блевотина налипла на подошвы его резиновых сандалий, и кисловатый запах распространялся от его тела. До меня доносилось неровное дыхание Рэйко.

– Ёсияма, приходи завтра на вечеринку.

– Да понимаешь, Кэй ждет этого, говорит, что хочет повторить все с теми черномазыми, поэтому... в общем, ты должен меня понять... А что сегодня случилось с Рэйко? Она словно взбесилась! – Ёсияма присел напротив меня и отхлебнул глоток джина.

– Вчера у меня дома она поссорилась с Окиनावой. Знаешь, ей не нужно было ширяться. Она слишком толстая, и вены у нее трудно найти, вот Окинава и потерял терпение и всадил все себе, а потом в нее тоже, все до конца.

– Какие же они болваны, оба. И ты, как идиот, тупо за всем этим смотрел?

– Почему? Я и сам укололся. Лежал пластом на постели и уже думал, что дам дуба. Я перепугался, что всадил себе слишком много, всерьез перепугался.

Ёсияма проглотил еще две таблетки «Ниброль», растворив их в джине.

В брюхе у меня было пусто, но есть не хотелось. Решив, что не мешало бы проглотить немного супа, я посмотрел на кастрюлю, стоявшую на плите, но поверхность супа являла собой серую пленку, а тофу под ней было склизким и разварившимся. Ёсияма сказал, что хочет выпить кофе с молоком, и тогда я убрал суп и подогрел кофе.

Ёсияма разбавил кофе молоком до самого края кружки, которую крепко сжимал, обеими руками поднося ко рту. Он завопил: «Больше не могу!» – и блевотина выползла сквозь его сжатые губы, как вода из игрушечного пистолета, и сгустками начала падать на стойку.

– О, бля, кажется, я переборщил с выпивкой, – сказал он, заглотив джин, оставшийся в его стакане. Когда он закашлялся, и я похлопал его по спине, он обернулся и сказал: – Ты славный парень! – Губы у него были искривлены. От его липкой и холодной спины исходил какой-то кисловатый запах.

– Думаю, тебе известно от Рэйко, что потом я вернулся в Тояма. После того как я побывал у тебя, мама умерла, ты, наверно, слышал?

Я кивнул, стакан Ёсияма снова был полон джина. Мой распухший язык не воспринимал переслащенный кофе.

– Странное чувство, когда кто-то умирает у тебя на руках. Со мной такое случилось впервые. А с твоими родными все в порядке, Рю?

– Они в порядке, тревожатся обо мне. Я получаю от них весточки.

Закончилась последняя мелодия «Left Alone». Игла проехала до конца со звуком разрываемой ткани.

– Ну вот, короче говоря, я взял Кэй с собой, она сказала, что лучше поехать в Тояма, чем оставаться одной в нашей хате. Понимаешь, что она тогда чувствовала? Мы жили в гостинице за две тысячи йен без питания, что довольно дорого.

Я выключил стерео. Рэйко высунула из-под одеяла свои грязные ступни.

– И знаешь, потом, в день похорон, Кэй позвонила мне и попросила на некоторое время вернуться, потому что чувствует себя слишком одиноко. Когда я сказал, что не могу приехать, она заявила, что просто покончит с собой. Я был в шоке и поехал. Она сидела в грязной комнате на шесть татами и слушала радио. Она пожаловалась, что не может поймать станцию FEN. Пойми, что это нелепо – ловить в Тояма местную американскую станцию. И потом она стала спрашивать всякие глупости про мою мамашу, полный идиотизм. Она как-то странно смеялась, пойми, это было просто ужасно. В самом деле. Спрашивала, каким было лицо моей матери в момент смерти и правда ли, что, прежде чем положить покойников в гроб, их гримируют. И когда я сказал: «Да, ее загримировали», она спросила: «А какой фирмы был грим? „Макс Фактор“, „Ревлон“, „Канэбо“?» Откуда мне было знать? Потом она начала чихать, сказала, что ощущает себя совершенно одинокой, а после разрыдалась.

Я вполне понимаю, как она тогда себя чувствовала, я понимаю, что она должна была ощущать одиночество, особенно в такой день.

Сахар опустился на дно чашки с кофе. Я проглотил его не раздумывая, и от такого количества сахара меня замутило.

– Да, я прекрасно это понимаю. Но послушай, ведь это моя, моя мама умерла. Кэй плакала и что-то бормотала. А потом достала из шкафа простыню и разделась. То есть не успел я похоронить мать, как эта голая полукровка полезла ко мне. Ты понимаешь, Рю, что я имею в виду? Я был не против этим заняться, но в данном случае это было несколько, как бы сказать... несколько...

– И ты не стал?

– Как я мог? Кэй вопила, и это меня раздражало, как, знаешь, эти мыльные оперы по телику. Мне даже показалось, что я оказался одним из персонажей подобной оперы. Я испугался, что нас могут услышать в соседней комнате, и мне стало стыдно. Я не знаю, о чем тогда думала Кэй, но в любом случае с той поры наши отношения испортились.

Тишина нарушалась только дыханием Рэйко. В ритме ее дыхания поднималось и опускалось пыльное одеяло. Иногда в дверь заглядывали какие-то алкаши.

– С тех пор это стало невыносимым, хотя и прежде мы иногда ссорились. Но сейчас почему-то все стало иначе, знаешь, стало как-то по-другому. И хотя до того мы говорили про поездку на Гавайи и долгое время строили планы, ты же видел, как это выглядело сегодня? И секс с ней уже не в радость, я предпочел бы сходить в одну из так называемых «турецких бань».

– А твоя мать болела?

– Думаю, что это можно назвать и так. Ее тело изнашивалось. У нее ослабло зрение, и когда она умерла, то была намного меньше, чем прежде. Я сильно тосковал о своей матушке. Раньше мне казалось, что уж меня-то это мало заденет, но я тосковал.

Знаешь, она занималась продажей в разнос лекарств из старомодной аптеки в Тояма. Ребенком я часто ходил с ней. Она целый день бродила с этой котомкой на спине, размером с коробку у продавцов мороженого. Знаешь, по всей стране на это находятся постоянные покупатели. Ты помнишь бумажные пакеты, которые можно надуть и потом хлопнуть? Она раздавала их бесплатно. Я часто с

ними развлекался.

Когда сейчас вспоминаю об этом, все кажется забавным. Тогда это казалось чем-то стоящим – я мог целый день забавляться с ними. Если бы попытался заняться этим сейчас, мне это быстро бы надоело, даже тогда было скучно, не могу припомнить, чтобы когда-нибудь получал от этого удовольствие. Однажды я ждал мамашу в той гостинице, ты ее знаешь, и вдруг отключили электричество, и я понял, что солнце уже село и начинает темнеть. Я перепугался и не мог ничего сказать горничным, поскольку тогда даже в начальную школу не ходил. Я прошел в угол, куда с улицы проникал слабый свет. Даже сейчас помню, как тогда перепугался при виде той крошечной улицы и пропахшего рыбой города.

Издали слышалось гудение автомобиля. Ёсияма снова вышел на улицу. Я пошел следом. Мы стояли рядом и блевали в сточный люк.левой рукой я оперся о стену и засунул пальцы в рот. Желудок сжался, и оттуда хлынула теплая жидкость. По груди и животу прокатились спазмы, горло и рот мне забили кислые комочки, десны онемели, а потом все хлюпнулось в воду.

Когда мы вернулись в дом, Ёсияма сказал:

– Знаешь, Рю, когда я так блюю и у меня переворачиваются все кишки, я с трудом удерживаюсь на ногах и почти ничего не вижу, но тогда мне хочется женщину. Даже если бы рядом и оказалась какая-нибудь, я не смог бы на нее залезть, мне не удалось бы даже раздвинуть ей ноги. Но при этом мне все же хочется женщину. Не хуем, не головой. Все мое тело, вся моя сущность просто содрогается от предчувствия этого момента. А как у тебя? Тебе понятно, что я имею в виду?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жаргонное выражение, означающее в наркологических отделениях внезапное полное прекращение приема любых наркотиков.

Купить: https://tellnovel.me/ru/murakami_ryu/vse-ottenki-golubogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)